

рованы три финских племена: *непра, мешера и мурод*. В псковских говорах вероятно показане возникновения в результате смешения части восточных с балтийскими финнами. В юго-восточных говорах оно вызвано рязанской, мешерской (но тоже финской) подосновой. Во всех этих случаях показане определяется смешением с финским субстратом, но протекать согласно внутренним законам русского языка.

Возникнув первоначально (в донаторический период) на более обширной территории (на северо-западе в говорах Новгородской и Смоленской земли), показане в дальнейшем распространялось на востоке и северо-востоке.

Показане возникло в городах, где население было двуязычным. Двуязычие составило определенную стадию в переходе финнов к славянской речи. В период древнейших контактов со славянами финны обладали одной единственной аффрикатой: *t'(c')*. Следовательно, были налицо благоприятные условия для возникновения показаня. Восточные славяне поддерживали постоянные и интенсивные связи с финским населением, с которыми постепенно смешались. В ту эпоху в фонологическо-й системе прибалтийско-финских племен имелась, как мы уже говорили, только одна аффриката². В результате этого смешения в Новгородской и Псковской землях победила финская манера произношения аффрикаты. О вероятности такого влияния свидетельствуют и анализ фонологическо-й системы подглагольного большинства финно-угорских языков. Так, в финском литературном языке нет аффрикат. Большинство карельских говоров не различает *t* и *c*, что напоминает северновосточно-русское показане⁴. Как показал Д. В. Бубрих⁵, «в некоторых диалектах

¹ О *еци, чиди, еки и коре* см. Д. В. БУБРИХ, *Происхождение карельского народа*, Петрозаводск, 1957. Автор рассматривает их историю в связи с историей русского народа. О венцах, их языке и истории см. статью Н. И. Богданова в сборнике *Прибалтийско-финское языкознание*, Петрозаводск, 1958, стр. 63—75 (здесь же напечатаны еще две работы, посвященные всекому языку: см. стр. 76—82 и 83—94). О связях восточных славян с финнами до IX в. см. также Н. П. ТРЕТЬЯКОВ, *Восточнославянские племена*, изд. II, Москва, 1953; его же, *Итоги археологического изучения восточнославянских племен*, Москва, 1958 (перепечатано в *Исследования по славянскому языкознанию*, Москва, 1961, стр. 306—334); см. и резюме этой работы в *Материалах...*, стр. 426—427. Как показал уже Л. НИДЕРЛЕ, славская, костромская, московская, владимирская, Рязанская, Тамбовская и Воронежская губернии первоначально были заселены финскими племенами.

² Для прибалтийско-финского Д. Хаккинен восстанавливает **tʃ* и **tʃʲ*. См. его работу *Рассуждение о структуре финского языка*, ч. I. Фонетика и морфология (перевод с финского), Москва, 1953, стр. 46—47.

³ См. также В. И. Лыткин, *Материалы...*, стр. 448.

⁴ Смещение *ч* и *й* в северно-западных говорах русского языка приписывается влиянию прибалтийско-финских языков и Ф. Ойномом (см. FELLIX J. OINAS, *Russian and eastern balto-finite linguistic contacts*, s. Graevenhage, 1958, стр. 5). Имея в виду широкое распространение показаня, вслед за А. М. СЕЛИЩЕВЫМ (*Соканье и токканье в славянских языках*, «Slavia» X, 1931, вып. 4, стр. 738), автор допускает что совпадение *ч* и *й* это довольно раннее явление. Однако, Ф. И. Ойнас не говорит в данном случае о субстрате. (Напомним, что в цитированной статье А. И. Селищев объясняет *сокканье* и *токканье* в славянских языках с помощью звукового влияния).

⁵ *Сопоставительная грамматика русского, финского, карельского и карельского языков*, «Прибалтийско-финское языкознание», Петрозаводск, 1958, стр. 23 (Вообще, в карельских говорах нет *ч*).